

ЗОЛОТОЙ ДЮК

Аркадий ИЛИН,
писатель,
кинодраматург

Я смотрю на фотографию...

Это мы все вместе год назад снялись в финале.

А вначале. ...Вначале был октябрь в Одессе. Уже не очень жаркие дни, еще не слишком прохладные вечера... Старый Дюк на Приморском бульваре, новый Дюк на цветных афишах — с головой и тросточкой великого Чарли... И с непривычки пугающие водителей надписи на асфальте, бросающиеся прямо под колеса слова — „ОДЕССКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА“...

Да, вначале было слово. И я выстраиваю неуклюжую, но точную цепочку: слово — говорить — Говорухин... Вот он на фотографии. Все — вокруг, а он — в белом костюме! Слава Говорухин уговорил, уболтал, укачал, убедил и в конце концов утвердил в наших умах и сердцах идею, которую так любил, кажется, еще Наполеон: давайте начнем, давайте вяжемся в драку, а там поглядим...

Говорухин в белом костюме опирается на плечо Гусмана в черной куртке. Да, Гусман был его и нашей опорой. После того как мы все-таки „ввязались“, Юлик делал все возможное, чтобы было на что „поглядеть“. Он дни и ночи рождает идеи, и он же ночи и дни их осуществлял. Фонтанировал не хуже одесского Большого фонтана!

Я смотрю на фотографию. И вижу Михаила Жванецкого. Ну кто, кроме него и кто лучше него, мог возглавить жюри, состоявшее из уважаемых граждан Одессы? Жюри исклю-

На фоне Дюка улыбается семейство

чительно из кинозрителей. Жюри без единого критика. Какая сказка! Возможная только в Одессе.

Впрочем, критики на фотографии тоже наблюдаются. Известные и талантливые. Улыбающиеся и разбросанные в общей толпе. А ведь приехали они сюда без улыбок и сплоченной „могучей кучкой“. По не очень проверенным слухам из не слишком достоверных источников, они приехали дать бой. Во всяком случае, так пугающе-напряженно шептались в кулуарах: „Они едут дать бой!“ Но никакого боя не было. И не потому, что наши критики — слабые бойцы. Нет, бойцы они слабые. Но если им поначалу и хотелось дать бой, то впоследствии как-то расхотелось. Может, просто погода выдалась такая — солнечный октябрь в Одессе. А может, просто народ вокруг был симпатичный и доброжелательный. А скорее всего, просто догадливые критики поняли, что жуткое слово „альтернатива“ вовсе не предполагает непременно погребения одинокого „скорбного бесчувствия“ с возведением на свежей могиле группового монумента „пиратов XX века“. И поняв это, критики улыбнулись...

Улыбнулись и секретари Союза кинематографистов. На фотографии они тоже разбросаны: Плахов — в правом нижнем углу, Климов — на самой вершине пирамиды, выше только сам Дюк! Но это не культ, это случайность. Фотограф не осуществлял никакой подобострастной режиссуры. Кто где встал, тот там и запечатлился. Да это и не самое интересное. Интереснее то, что поздним вечером Климов прилетел без улыбки, ранним утром Элем Германович впервые засмеялся, а на закрытии фестиваля Элем уже хохотал!

Лучше всех, пожалуй, устроился (я имею в виду — на фотографии) Армен Медведев. Справа — Алла Сурикова, слева — Вика Токарева. Что ж, он заслужил этот „букет“. Какой еще руководитель в ранге первого заместителя министра, бросив важные государственные дела, окунется с головой в суматоху такого пока еще сомнительного предприятия и станет все лично пробовать, утверждать, организовывать... Невольно возникает подозрение: а может, просто сам он эту „альтернативу“ считает важным государственным делом?

Ну, кажется, я достаточно преуспел по части воспеания руководства, и теперь пора обратить свой взор к простым труженикам. На фотографии много незнакомых лиц. Точнее, лица мне знакомы, но мне неизвестны имена. Я видел эти лица утром, днем, вечером, а кое-кого даже ночью. Это они встречали и расселяли нас в гостинице со сладостным наименованием „Аркадия“ (и пусть порой машины приходили не тогда и увозили не туда...). Это они делали все от них зависящее, чтобы нам было хорошо в их городе (и пусть иногда нам было не очень хорошо, но то уже было не от них зависящее...). Если мы снова встретимся в Одессе, я непременно узнаю эти лица. Но теперь уж постараюсь узнать и их имена.

Странно, на фотографии при наличии множества незнакомых лиц отсутствует немало знакомых. Нет Эльдара Рязанова — триумфатора „альтернативы“, получившего главный приз и зрительского жюри и самих зрителей. Нет

Сергея Соловьева — бывшего элитарного художника, переметнувшегося с криком „Асса!“ на сторону народа и бурно народом одобренного. Нет Гриши Горина — остроумца и лидера фестивальных споров. Нет братьев Вайнеров — носителей рубенсовского жизнелюбия, рушивших на корню, как только он возникал, сухой академизм дискуссий. Нет... Да, кого-то еще явно нет...

Я вглядываюсь в фотографию: а-а, ну конечно, на ней же нет зрителей! Нет славных кинозрителей города Одессы, для которых, собственно, и были все эти торжественные премьеры, улыбки очаровательных кинозвезд, интервью и автографы маститых режиссеров, веселые шоу у кинотеатров с клоунами и пиротехникой, встречи, дискуссии, ретроспектива всемирно известных лент и т. д. и т. п.

На фоне Дюка улыбается семейство... Да-да, очень хочется думать о нашей киношной компании как о единой семье. Хотя, может быть, мы выглядим вполне банально — как выглядят на фоне памятника „градоправителю“ Одессы любая группа случайных попутчиков — туристы из Перми, трудящиеся из Харькова или гости с Кавказа. Может, это и так. Но очень хочется надеяться, что это не так.

Я смотрю на фотографию. Я вглядываюсь в остановившееся — и как мне кажется, прекрасное! — мгновение прошлого. Я задумываюсь о будущем.

И ностальгическая улыбка покидает мои уста, и морщины озабоченности бороздят мое чело. В переводе с высокопарного на обыденный это означает: я опасюсь и сомневаюсь. Я опасуюсь, что нельзя дважды войти в одно и то же море, даже если оно в отличие от реки никуда не течет. Я опасуюсь, что фестиваль, перейдя из озорной и где-то легкомысленной „Одесской альтернативы“ в основательно-официальный „Золотой Дюк“, может потерять импровизационность, свежесть, неповторимость первой любви. А главное, я боюсь, что фильмы, которые я смотрю в отборочной комиссии, как-то послабеют, что-то поскучнее... И даже, увы, неодолимо тянут прошептать застенчивый вопрос, который уже давно выкрикивают торжествующие критики: „А зрительский фильм — это что, антихудожественный?“

Но я молчу, молчу, ведь еще ничего не известно, еще не все фильмы просмотрены, и не все просмотренные отобраны, и вообще еще не вечер...

Короче, прочь колебания, долой сомнения! Я смотрю на старую фотографию. Я верю, что будет новая. Мы еще снимемся у Дюка, и, как оптимистично прогнозирует Алла Борисовна, „мы еще споем!“ Чего-нибудь такое душевное на мотив из „Первой перчатки“:

Милый Дюк, наконец-то мы вместе!

Ты плыви, наша лодка, плыви...

Сердцу хочется ласковой песни

И хорошей большой любви.

Да, очень хочется! И ласковой песни из хорошего мюзикла, и большой любви в душераздирающей мелодраме, и освежающего смеха комедии, и кошмарных тайн детектива...

Каким же он будет — фестиваль популярных жанров? Чьи лица появятся на новой фотографии у старого Дюка? Очень интересно посмотреть!

Аркадий ИЛИН

